

серьезные трактаты, сохраняя престижное предназначение морального вадемекума, по сути дела, никем не читались» [2, с. 237].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов В.Н. *Французский материализм XVIII в.* – М.: Мысль, 1981.
1. Д. А.Ф.де Сад *Философия в будуаре; Тереза-философ: Французский эротический роман XVIII в.* – Минск: Белфакс, 1992.
3. *Философия любви.* В 2-х ч. – М.: Политиздат, 1990.
4. Фрейд З. «Я» и «Оно». *Труды разных лет.* В 2-х кн. – Тбилиси: Мерани, 1991.

Ополев В. (Одесса)

КАТЕГОРИЯ «НАЧАЛО» В ФИЛОСОФИИ И МЫШЛЕНИИ ГЕГЕЛЯ

Философия, как утверждал Гегель, единственная отрасль знания, которая «знает» (изучает) свои основания. Элементом таких оснований является категория «начало», которой в своих исследованиях Гегель уделяет немало внимания. При этом начало выступает в них, по меньшей мере, в трёх ипостасях. С одной стороны, соответствующая категория выступает объектом специальной философской рефлексии, с другой, Гегель в своих рассуждениях опирается на неё, с третьей – его работы содержат немало примеров поиска и установления различного рода конкретных начал, относящихся к тем или иным позитивным явлениям или процессам, в частности, к философии, религии, искусству, науке, политике, праву и т.д. В связи с этим экспликация содержания категории «начало» и её трактовка, которая учитывала бы все три составляющие, представляется одновременно и достаточно трудной, и интересной задачей. Данную статью следует рассматривать как ее частичное и не претендующее на окончательность разрешение.

Согласно Гегелю, начало есть то, что само ничем не обусловлено, ни к чему не сводимо, и само определяет известную совокупность явлений. Поэтому начало есть в известном смысле **абсолютная данность**, об этой последней не нужно спрашивать, например, почему она такова или откуда она, какого происхождения, но из неё – из её свойств и особенностей – следует исходить и на этом строить соответствующее знание. Вместе с тем, то конкретное бытие – вещь, свойство, определение, категория и т.п., – которое в том или ином случае выступает в качестве начала, может стать обусловленным (производным), если изменить точку зрения на него, перевести, иначе говоря, в другой «контекст». Однако в

последнем случае и соответствующая «вещь», характеристика объекта, процесс или событие перестают быть началом, теряют это своё качество.

Начало обуславливает релевантное явление не во всём (не во всех смыслах и отношениях), но всегда, по крайней мере, в двух планах. Во-первых, без него соответствующее явление или вещь не могли бы существовать. У Гегеля всё существующее возникает, за исключением абсолютной идеи — первоосновы мира, первоосновы всего, что существует. Поэтому построению различных механизмов (в данном случае точнее бы, вероятно, сказать — моделей) порождения придаётся большое значение. Ведь, для того чтобы показать всё в качестве возникающего, необходимо для каждого случая описать способ порождения. Исходным пунктом процесса порождения, возникновения или генезиса является некоторое в той или иной степени определённое событие, точнее было бы сказать — нечто, всегда особенное и специфическое для различных классов явлений или процессов. Это «событие» и есть начало. Начало не исчезает или, по крайней мере, не устраняется в качестве существенного фактора, обуславливающего бытие соответствующего явления. После того как процесс порождения состоялся (согласно концепции Гегеля, это всегда связано с переходом в иное качество и далее с появлением или полаганием нового начала), оно остаётся и продолжает присутствовать, но в скрытом, или «снятом», виде. Метафора «пантеона божественных образов», используемая Гегелем несколько по иному поводу, могла бы и в данном случае помочь уяснить суть дела. «История философии, — пишет он, — по своему существенному содержанию имеет дело не с прошедшим, а с вечным и вполне наличным и должна быть сравниваема в своём результате не с галереей заблуждений человеческого духа, а скорее с пантеоном божественных образов. Но эти божественные образы суть лишь различные ступени идеи, как они выступают друг за другом в диалектическом развитии» [2, с. 219].

Во-вторых, начало определяет соотносимое с ним явление с точки зрения его сущности, в аристотелевском значении этого слова, то есть прежде всего его «чтойность». Однако определяет далеко не полностью. Начало фиксирует такой аспект явления, который оказывается, как правило, с одной стороны, признаком, позволяющим его каким-то образом идентифицировать и проследить его существование во времени, с другой — одним из его существенных определений, относящихся в первую очередь к его внутренним характеристикам. Поиск исторического начала, или начала во времени, строится по существу на восприятии или, можно даже сказать, на исследовании состояния явления в настоящем, в его уже «ставшем» и достаточно развитом виде. Правда, это исследование носит здесь как бы предварительный и неявный харак-

тер. Затем, базируясь на том, что полагается в качестве начала, осуществляется генетическое определение соответствующего явления, реконструкция его становления. В этом случае исследование носит уже явный, систематический и методологически выверенный характер. Здесь стоит попутно отметить, что начала в философии Гегеля выявляются всегда *ретроспективно* и никогда – *перспективно*. Это по существу означает, что в современности начала отсутствуют: раз их здесь не ищут, они «остаются» в прошлом¹. Будущему, таким образом, в горизонте гегелевских исследований, в силу особенностей принятой в них методологии, уже не находится места.

Исторические реалии, принимаемые в качестве начал, могут меняться, каким-то образом трансформироваться, делаться, скажем, составными или даже множественными в зависимости от трактовки данного явления. В частности, это определяется тем, что именно считают началом. Так, например, начало философии Гегель усматривает в учении Фалеса. Вот как он обосновывает это: «Фалесово положение, что вода есть абсолют, или, как говорили древние, первоначало, представляет собой начало философии, так как в нём достигается сознание, что единое есть сущность, истинное, что лишь оно есть само по себе сущее. Здесь наступает отделение от содержания нашего чувственного восприятия; человек отходит от этого непосредственно сущего» [1, с. 160]. И несколько далее: «Простое положение Фалеса представляет собой философское учение потому, что в нём берётся не чувственная вода в её особенности, противопоставляемой другим вещам природы, а вода как мысль, в которой все вещи природы растворены и заключены. Здесь, таким образом, приступлено к отделению, различению абсолютного от конечного [...] философское воззрение состоит в том, что лишь единое есть подлинно действительное» [1, с. 161]. В другом случае он пишет о начале философии следующее: «Учение Парменида следует рассматривать как начало философии в настоящем смысле слова, потому что философия есть вообще мыслящее познание, а здесь впервые фиксирована чистая мысль и сделана предметом для самой себя» [2, с. 219].

Так что же именно, единое в качестве подлинной действительности или чистая мысль, становящаяся предметом самой себя составляет, по мнению Гегеля, суть занятий и интересов философии и, соответственно, оказывается её определяющим, исходным признаком? По-видимому, и то и другое. Но в связи с этим историческое начало также становится чем-то протяжённым во времени, многосоставным и захватывающим разные события и культурные достижения. Здесь, если пойти дальше, такие признаки, как единое, всеобщее, абсолютное, подлинно действительное, истинное и чистая мысль сводятся вместе. Последняя обладает всеми этими

свойствами. И все они, в принципе, могут быть переосмыслены как начала философии. Ведь философия здесь, наряду с религией и искусством, есть одна из форм самосознания чистой мысли, или абсолютной идеи. Её главное отличие заключается в средствах, которые при этом используются, и, поскольку эти средства наиболее релевантны, философия оказывается главной из этих форм. Для каждого из указанных выше свойств или аспектов чистой мысли, понимаемых теперь в качестве начал философии, может быть найден свой исторический *прецедент*. В каждом из этих случаев им оказывается определённое культурное достижение, в котором соответствующая характеристика была впервые осознана в адекватной для неё форме, а именно – в форме понятия. (Впрочем, на практике это первое осознание оказывается просто наиболее ранним из сохранившихся в исторической памяти, и потому не исключено, что дальнейшая реконструкция может изначально пойти по ложному следу, однако это обстоятельство почти никогда не мешает ей состояться и дать приемлемый результат.) Философия, таким образом, как феномен духовной культуры получает основной набор необходимых ей начал – оснований. При этом данные основания уже, можно сказать, приведены к нужному виду: во-первых, они укоренены в абсолютной идее и, во-вторых, соотносены с историческим процессом.

Начало чего бы то ни было, согласно Гегелю, всегда имеет *духовную природу*. В более точной авторской трактовке – логическую природу, то есть содержание начала, или его собственная структура, задается всегда посредством определений, образуется ими и как бы состоит из них. Отсюда аутентичный способ их познания – спекулятивный разум, способный постигать мысль, или мышление, в его чистоте, в его собственной природе, можно сказать, «без примесей». Соответственно, результаты этого познания должны выражаться в виде суждений, понятий и умозаключений. Однако возможны и другие, несовершенные, способы отображения, а именно: посредством чувства и представления. Последним соответствуют религия и искусство. Аутентичная же форма выражения чистой мысли принадлежит философии. В этой связи Гегель пишет: «философия имеет с искусством и религией одинаковое содержание и одинаковую цель, но она наивысший способ постижения абсолютной идеи, потому что её способ наивысший – понятие» [4, с. 289].

Начало, хотя оно и обладает некоторой собственной сущностью и определенностью, по его логическому или мыслимому содержанию всегда является бедным (иначе говоря, абстрактным) по сравнению с тем, что оно обуславливает. Оно потому и начало, что с него начинается процесс, приводящий к богатому определением, в логическом смысле конкретному нечто. В самом предельном случае начало может быть лишено каких-либо содержательных опре-

делений вообще. У него как бы не оказывается сущности, однако, в то же время есть, можно сказать, чтобы хоть как-то это выразить, — *суть*, заключающаяся в том, что оно инициирует появление и разворачивание конкретного. Не будь этого, пустого, начала ничего бы и не было. Данными свойствами обладает в первую очередь абсолютное начало («наипервейшее» в терминологии Гегеля).

Для мысли, любой зарождающейся мысли, в том числе и при переходах некоторого содержания из одной формы в другую, этим началом является так называемое чистое бытие. «Его, — пишет Гегель, — нельзя ни ощущать, ни созерцать, ни представлять себе, оно есть чистая мысль, и, как таковая, оно образует начало» [2, с. 218]. «Начиная мыслить, мы не имеем ничего, кроме мысли в ее чистой неопределённости, ибо для определения уже требуется одно и некое другое; вначале же мы не имеем ещё никакого другого» [2, с. 218]. Добавим к этому, что лишённое определений, по Гегелю, есть непосредственное, причём, непосредственное без каких-либо оговорок. В этом слове заключено, в частности, условие данности начала, его восприятия, идентификации и, следовательно, существования «для нас».

Наконец, последняя из основных характеристик категории начала выглядит так. Выше мы её уже затрагивали в какой-то мере в связи с другими, но в данном случае всё же о ней необходимо сказать особо. Начала всех вещей, или точнее, классов вещей, процессов или явлений, укоренены в особом образовании, составляющем первооснову мира, — абсолютной идее. Последняя есть абсолютная реальность и вместе с тем исток и гарант существования мира, то есть совокупности всего того, что доступно человеческому восприятию и познанию. В этой реальности также заключено оправдание того, что мир в своем устройстве, внутренней организации и строении, должен быть именно таким, каков он есть, а не другим. Начала по своей природе являются аспектами абсолютной идеи, и в то же время они могут становиться, приобретая при этом некоторые дополнительные свойства, или определённости, моменты её разворачивания в процессе перехода из положения её имманентного существования, «в себе», в осознанное и сознательно полагаемое состояние — «для себя». Различие, состоящее в том, чтобы быть либо просто аспектом абсолютной идеи, либо в то же время моментом (этапом, компонентом или даже формой) её исторического становления, образует основу для разграничения так называемых *логического* и *исторического* начал. Содержание этих начал, в принципе, одно — отсюда известная идея об их совпадении: функции у них достаточно близкие, но все же не тождественные, основное же различие, по-видимому, заключается в условиях их бытия и, соответственно, в способах постижения того и другого. Историческое начало действует как бы

издалека и опосредованно, его роль неочевидна, зато оно, как правило, на виду, постижимо на основе фактов. Логическое начало, напротив, ближе² и непосредственнее – оно опора восприятия и разумения, – зато обычно скрыто, спрятано в подразумеваемом. Позитивное мышление не знает своих оснований, как мог бы сказать по этому поводу сам Гегель. И тем не менее, если опустить детали, то можно сказать, что логическое и историческое – это всего лишь модусы существования одного и того же содержания или «объекта», предметности и т.п. Ничто в феноменальном мире не может существовать, не имея таких начал. Вопрос лишь в том, насколько эти начала в тот или иной момент времени, скажем, осознаны, сознательно полагаемы, развёрнуты в своих возможностях и т.п., или, суммируя всё, что в данном случае может иметься в виду, следует сказать – *развиты*.

Благодаря причастности к абсолютной идее, начала получают устойчивость, которую они затем переносят и на то, что они обусловливают. Начала, кроме того, в том, что они обусловливают, представляют не только сам этот, последний феномен, но и нечто иное – идею, абсолютную реальность, первооснову мира. Таким образом, они как бы принадлежат тому и другому, объединяют две сферы реальности. В принципе, мы могли бы себе представить, вступая в известное противоречие со сказанным выше, некий феномен и как лишенный такого рода начал. Но тогда, согласно гегелевской концепции, он должен быть случайным, происходящим неизвестно откуда и исчезающим бесследно.

Вместе с тем, если сменить исходную точку зрения и перейти от интеллектуальных установок классической философии, которых придерживался Гегель, с их ориентацией на монизм, всеобщность, единство, необходимость, максимальную взаимосвязанность всего, что существует, и т.п., к идеалам современной философии, более склонной к плюрализму, обособлению, разделению сфер действительности, поиску различного рода специфик и т.д., то в том, что Гегель понимал под логическим началом, можно обнаружить, по меньшей мере, две различающиеся категории. Последние, хотя и связаны между собой, но не настолько, как это выглядит в трактовке самого Гегеля, чтобы одна из них полностью определялась и, соответственно, поглощалась другой, «снималась» ею. Основания этого различия вполне сопоставимы с теми, которые устанавливаются самим Гегелем в связи с разделением категорий логического и исторического начал.

Прежде всего, логическое начало, согласно Гегелю, это то, что даёт (обусловливает) содержание и существование, как единичных явлений, так и их родов и видов. Соответствующее содержание может при этом быть развивающимся, как это имеет место в случае биологических, культурных и субъективных явлений, но

может быть дано и «сразу», в законченном виде, что характерно для большинства природных процессов, в частности для так называемых механических и химических сфер действительности [4, с. 159 – 208]. Эти начала-основания действуют и существуют здесь и сейчас, они обладают бытием вместе (одновременно) с обуславливаемыми ими явлениями, подобно всему тому, что, например, именовалось словом «архэ» в античной философии. Эти начала укоренены в абсолютной идее и представляют собой «чистую мысль», с её характеристиками всеобщности, определённости, необходимости и т. д. Истинность и, следовательно, действительность любого явления (предмета, процесса) определяется соответствием его собственному началу. Но начало и явление не одно и то же – начало всегда идеально, как планы архитектора или инженера до их реализации, и, с точки зрения содержания, есть только чистая, всеобщая родовая сущность, подобно тяжести в природных объектах, явление же действительно (здесь можно сказать телесно, чувственно воспринимаемо, хотя в некоторых случаях и не в буквальном значении этих слов) и обладает богатством определений (или свойств), включающих и возможные случайные отклонения от родовой сущности. Гегель даже описывает то, каким образом начала связаны с тем, что от них производно. Соответствующие «механизмы» действуют по схеме умозаключения и обладают спецификой применительно к различным сферам действительности.

Однако для нас все эти детали в данном случае не столь важны, главное здесь то, что в гегелевской философии и «логике» самого философствования может быть выделена в достаточной мере «замкнутая» (завершённая) и систематическая трактовка категории начала, производная от понимания логического начала в целом. Суть этой трактовки можно свести к следующему положению: все воспринимаемые нами явления и процессы имеют место только благодаря тому, что в структуре мира присутствуют обуславливающие их начала, от этих, последних, получают они свою сущность, бытие и степень характерной для них необходимости. Эту трактовку логического начала у Гегеля, относящую последнее к области мироустройства, вполне обоснованно считать **онтологической**.

В другом смысле логическое начало у Гегеля понимается как начало познания. Говоря в этой связи о философии, Гегель пишет: «начало философии есть наличная и сохраняющаяся на всех последующих этапах развития основа, есть то, что остаётся всецело имманентным своим дальнейшим определениям» [3, с. 128]. И там же: «**поступательное движение** от того, что составляет начало, следует рассматривать как дальнейшее его определение, так что начало продолжает лежать в основе всего последующего и не исчезает из него» [3, с. 128]. Далее, начало познания, согласно Гегелю, должно обладать всеобщностью и непосредственностью, а

также быть предельно абстрактным и содержательно пустым, чисто формальным, неопределенным, не включать «иного» и т.д. Рассуждая обо всем этом, Гегель видит свою главную задачу в формулировке **условий идеальной науки**, совершенного познания, субъект которого — абсолютный дух, объект — весь мир, а результат — полное совпадение, «тождество», бытия и мышления. Всеобщность при этом истолковывается как относящееся ко всему, что существует; непосредственное в пределе совпадает с «чистым» бытием, переходящим затем в ничто и порождающим в итоге «становление» и т.п. Конкретные же научные исследования и отдельные науки оказываются здесь действительными только в тех границах, в которых они интегрируемы в этот процесс абсолютного познания как его моменты.

Несомненно, разработанный Гегелем концепт идеальной науки представляет собой ценный вклад в мировую философию, не потерявший своего значения и в наши дни, однако в его рассуждениях интересно и другое. Большинство характеристик, приписываемых им началу познания, могут быть истолкованы и чисто функционально, как атрибуты определённого элемента, находящегося в составе любого научного мышления (и, соответственно, знания), независимо от того, в каких обстоятельствах оно осуществляется, и какие исследовательские задачи перед ним стоят. Для этого достаточно указанные выше характеристики рассмотреть под определённым углом зрения, предполагающим замену абсолютных требований на условные и ограниченные. Так, всеобщность в этом случае следует понимать как относящуюся к известному, ограниченному кругу объектов, составляющих предмет той или иной науки или некоторого направления исследований; непосредственность как то, что в качестве такового принимается (реально функционирует) в тех или иных рамках; форма здесь уже не нечто содержательно пустое с точки зрения мирового разума, а то, что не варьируется, не ставится под сомнение в границах определённого, в той или иной мере цельного исследовательского процесса или научной традиции и т.д. Благодаря такому переистолкованию, начало познания, детально описанное Гегелем, становится «равноправным» элементом когнитивных оснований соответствующего мышления и одновременно это описание оказывается в общем-то созвучным целому ряду направлений современной философии и методологии науки [6, с. 250—254].

Охарактеризованные здесь в самых общих чертах два варианта истолкования логического начала ни в коей мере не противоречат одно другому, скорее, наоборот, органично дополняют друг друга. При этом, что очень ценно, они охватывают науку в двух её основных измерениях: с одной стороны, науку в качестве идеала, указывающего направление её исторического развития, с другой сто-

роны, науку с точки зрения её реальной практики, можно сказать, в самых различных модусах её существования. В целом же это направление интерпретации «логического» начала у Гегеля можно обозначить как **гносеологическое**.

В итоге, как нам представляется, мы вправе говорить не о двух (историческом и логическом началах), как принять считать, а о трёх **равноправных** по своему значению и «месту» в организации мышления трактовках категории «начало» у Гегеля. **Во-первых**, это историческое начало, относящее нас к фактам и событиям прошлого, с которых начинается тот или иной устойчивый процесс развития, но которые на любом этапе этого развития присутствуют лишь номинально, а не в качестве действующих, определяющих факторов. **Во-вторых**, онтологическое начало, являющееся основой существования соответствующего феномена, что называется, «здесь и теперь». Это начало потому относится к сфере логического, что первооснова всего существующего, аспектом или моментом которой оно является, то есть абсолютная идея, имеет логическую природу. И, **в-третьих**, начало как когнитивная основа познания соответствующих явлений, определяющая в известном смысле как содержание, так и особую форму этого познания.

Функционально эти «начала» различны, различаются они и по своему бытийственному статусу, иначе говоря, по занимаемому ими месту в структуре универсума. Всё это должно обуславливать и смысловые различия соответствующих понятий. Кроме того, эти начала, естественно, также и связаны между собой, при этом не только тем, что относящиеся к каждому из них понятия охватываются в логическом плане единым для них родовым понятием, то есть категорией «начало». К примеру, каждая такая «тройка» начал, в тех случаях, когда она относится к одному предмету или явлению, соотносится между собой по тому, что мыслится в качестве сущности (понятия или идеи) этого явления. В идеале, согласно Гегелю, по мере развития бытия и познания эти сущности должны совпадать: достигается тождество бытия и мышления. Можно было бы далее указать и другие связи между началами, но это уже не имеет принципиального значения. С современной точки зрения здесь важнее всего то, что установленная (и продемонстрированная в действии) Гегелем дифференциация взаимосвязанных начал образует известного рода смысловое «поле», познавательное априори [5], задающее условия мыслимости и порядок конституирования определённых феноменов. И в этом плане оно может быть поставлено в один ряд, скажем, с известным учением Аристотеля о четырёх видах причин.

Теперь, если попытаться оценить понимание начала в философии Гегеля в целом, то в ней необходимо выделить несколько мо-

ментов. Прежде всего, с уверенностью можно сказать, что Гегель исчерпывает эту тему (в ее главных чертах) как предмет классической философии. Он дает наиболее конкретную его трактовку, при этом вполне следуя объективной и субъективной логике всего предшествующего развития западноевропейской философии. Во всяком случае, его основной линии движения. После него, если оставаться в пределах мировоззренческих установок классической философии (главная из них – поиск окончательной истины, подлинной действительности, определяющей все существующее), добавив к его трактовке категории «начало» уже особенно нечего, то есть добавив по существу, хотя можно спорить по отдельным вопросам, включая сюда и так называемый основной вопрос философии, и, естественно, что-то конкретизировать, находить новые формы выражений и т.п.

С большинством даваемых им определений вполне можно согласиться и в наше время, хотя их принятие и требует в ряде случаев известных уточнений и комментариев. В целом же, можно сказать, что для этого необходимо скорее некоторым образом модернизировать общий контекст их истолкования, чем менять сколько-нибудь существенно их содержание. Но в принципе, мы мыслим, оказываясь в соответствующих ситуациях так, как это описал Гегель, хотя обычно и не отдаем себе в этом отчета. Вместе с тем Гегель не только, что называется, завершает, он в определенном смысле **начинает** то, что можно назвать современной, уже **неклассической** трактовкой категории начала. Однако эта проблема требует специального освещения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ – Эти замечания касаются только исторических начал, иначе говоря событий, инициирующих процессы во времени. В тоже время начала-предпосылки (основания), в определенном смысле производные от первых, согласно Гегелю, существуют в современности, и он их обычно старается не упускать из виду. Эти предпосылки для него в известном смысле даже более действительны, чем рассматриваемый в том или ином случае феномен.

² – Хотя ему также, по-видимому, требуется какое-то время для «срабатывания». Рационализм Гегеля – генетический, а в содержании понятия генезиса должен присутствовать хоть какой-то намёк на время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель Г.В.Ф. *Лекции по истории философии* // Гегель Г.В.Ф. Соч.: в 14-ти тт. – М.–Л., Т.9, 1932.
2. Гегель Г.В.Ф. *Энциклопедия философских наук*. – М.: Мысль, Т.1, 1974.
3. Гегель Г.В.Ф. *Наука логики*. – М.: Мысль, Т.1, 1970.
4. Гегель Г.В.Ф. *Наука логики*. – М.: Мысль, Т.3, 1972.
5. Гильдебранд Д. *Что такое философия*. – Спб.: «Алетейя», 1997.
6. Мотрошилова Н. В. *Путь Гегеля к «Науке логики»*. – М.: Наука, 1984.